

ЧЕХИ И ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В X—XVIII ВЕКАХ *

Проф. А. Флоровский

(Чехословакия)

Автор в последние годы сосредоточил своё внимание на истории чешско-русских отношений с X по XVIII в. включительно. В настоящей статье даётся сжатое изложение его наблюдений и выводов, подробно обоснованных в ряде работ автора и прежде всего в его книге «Чехи и восточные славяне», первый том которой (527 стр.) вышел в свет в 1935 г., а второй (544 стр.) выйдет в текущем году, оба на русском языке, в издании пражского Славянского института. Некоторые вопросы об этапах и формах русско-чешских отношений автор разработал в отдельных монографиях. Так, вопросу о влиянии Чешской Библии на Русь, т. е. главным образом деятельности Фр. Скорины, он посвятил вышедшую на русском языке в 1946 г. книгу в издании чешской Академии наук «Чешская Библия в истории русской культуры и письменности». Прага. 1946. 106 стр.; «Sbornik Filologiky», sv. № 12. Связи украинско-белорусских унитаров с чешскими и моравскими иезуитскими центрами (Оломоуц, Прага) автор широко показал на основании архивных данных в книге «Sešti jesuitů na Rusi». Praha. 1941 г. 468 стр., здесь также он изложил по архивным данным—римским, венским и пражским—историю чешской иезуитской миссии в России при Петре Великом (1684—1719). Истории торговых связей Чехии и Моравии с Русью автор посвятил статью о торговле чешскими, моравскими и силезскими сукнами в XVI—XVII вв., напечатанную в журнале «Česky časopis Historický» в 1940 г. и в ближайшее время выходящую отдельной книжкой (75 стр.) в серии изданий пражского «Архива по истории торговли, промышленности и т. д.». Кроме того отдельным частным вопросом из истории чешско-русских отношений автор посвятил ряд более мелких статей и заметок.

Русско-чешские отношения в прошлом по своей широте, интенсивности и устойчивости далеко уступали отношениям русских с поляками или южными славянами—сербам и болгарам. На протяжении X—XVII вв. чешско-русские отношения скорее носили эпизодический характер. Только с начала XIX в. они стали приобретать характер устойчивости и внутренней связности.

Длинный, едва ли не тысячелетний, про-

цесс развития русско-чешских отношений можно разделить на несколько периодов, в зависимости от форм и средоточий русского культурно-политического развития. Русь Киевская, Русь Галицкая, Литовско-русское государство, Московское государство и Российская империя—таковы исторические рамки и грани этих периодов; XIX век в развитии русско-чешских отношений явился самым богатым по содержанию и самым значительным по существу.

Свой обзор мы начинаем с X в., когда лишь закладывались прочные основы чешской и русской государственности. Дошедшие до нас свидетельства сохранили несколько упоминаний о связях древней Руси времени Владимира Святого со старой Чехией. Мы узнаём о существовании как дружественных, так и торговых связей между княжескими домами Руси и Чехии. В основе обоих этих исторических обстоятельств лежало, повидимому, то, что Чехия и Русь в развитии своих государственных территорий имели встречное движение, на некоторое время создавшее из них непосредственных соседей. Как известно, Чехия во второй половине X в. (до 999 г.) обладала территорией в верховьях Вислы с городом Краковом, ставшим потом польской столицей. В то же время—с 981 г.—киевский князь Владимир отвоевал у поляков, тогда едва начавших государственное бытие, область нынешней Восточной Галиции с городом Перемышлем во главе. Именно здесь, между Краковской областью и областью Перемышля, могло произойти соприкосновение границ чешского и русского княжеств. Русская летопись сохранила воспоминание об этом факте и о тех отношениях, которые создались в связи с этим между Киевом и Прагой. Правда, соседство это не было сколько-нибудь длительным: рост Польши разорвал вскоре эту связь. Между тем между чехами и русскими завязалась и иная форма отношений—не между государствами, а между народами. Русские уже давно стали заселять горный край Карпат, заняв его горные проходы и спустившись на юг, в долину. Здесь, в южных отрогах Карпат, русские поселенцы встретились со словаками и с давних пор завязали с ними сношения.

Факт политического, хотя и недолговременного, соседства Руси с Чехией в X в. объясняет и другие, параллельные моменты

* Автореферат двухтомной работы «Чехи и восточные славяне».

из истории русско-чешских отношений той же поры, как, например, существование двух жён из Чехии у князя Владимира, появление в Праге купцов из Киевской Руси. Русские купцы встречались с чешскими торговцами и на Верхнем Дунае (сошлёмся на Раффельштетенский мытный тариф 903—904 гг.) и на Нижнем Дунае (вспомним слова князя Святослава о чешских купцах в Болгарии). Они служили живой связью между Чехией и Средней Европой и между Востоком и отчасти Византией, доставляя в Европу изделия восточной промышленности, частью, конечно, и избытки русского сырья, главным образом,— меха. В Праге русских купцов видел арабский путешественник Ибрагим ибн-Якуб в середине X века.

В последующие столетия наряду с политическими и экономическими связями между чехами и русскими имело место и общение в области духовной культуры. Они были связаны с общими условиями христианизации Чехии и Руси. В основе христианской культуры той и другой страны лежала церковно-славянская культурная традиция, восходящая к делу братьев Кирилла и Мефодия. Это дело получило своё наивысшее выражение в IX в., когда в Чехии и Моравии была осуществлена ответственная работа по переводу церковных книг на церковно-славянский язык и были положены первоначальные основы самой языковой и религиозно-культурной письменной славянской традиции. В древнюю Русь эта традиция проникла главным образом через южно-славянское болгарское посредство, но нельзя исключать и участия чехо-моравской культурной среды в прямой передаче в Киевско-Новгородскую Русь известных плодов литературной деятельности Кирилла и Мефодия и их последователей в Чехии. Первым этапом чешской культурной эволюции была именно эта церковно-славянская кирилло-мефодиевская традиция, выразившаяся в том, что первыми памятниками самостоятельного чешского литературного творчества были агиографические тексты, написанные на церковно-славянском языке (чешского типа), скорее всего глаголицей. Характерно, что эти чешские церковно-славянские тексты в кирилловской транскрипции сохранились главным образом на русской (как и на южно-славянской) почве, причём самый переход их на Русь мог иметь место уже в начале XI века. Тексты эти касаются жития чешских князей и патронов страны — Вячеслава (Вацлава) и Людмилы, церковный и церковно-бытовой культ которых тогда же был усвоен и на Руси. Об этом свидетельствует ряд фактов: принятие имени Вячеслава рядом русских князей и иных лиц, внесение русской обработки жития Людмилы и Вячеслава в русский «Пролог» XI—XII вв., включение службы св. Вячеславу в Служебные Миней ещё до конца XI в. и т. д. В конце XI в., вскоре после канонизации на Руси первых русских святых — Бориса и Глеба, сыновей Владимира Святого, их почитание утвердилось и в Чехии, в частности частицы их мощей хранились тогда в алтаре Сазавского мона-

стыря, основанного святым Прокопом. Среди вещей религиозного культа и домашнего обихода в Чехии в это время появились изделия (кресты) из Руси или через её посредство из Византии и с Востока. Эти факты с полной ясностью доказывают живое и деятельное общение между Русью и Чехией в XI в. как в области церковной жизни, так и в области письменности.

Для подобного общения не было профессиональных препятствий вплоть до конца XI в.— до окончательного формального расхождения восточной и западной христианских церквей. Этим и объясняется то обстоятельство, что в старой русской письменности обнаруживаются следы латинских литературных памятников, проникших на Русь через чешское языковое и литературное (церковно-славянское) посредство. Это касается, в частности, известного и на Руси жития св. Вита, одного из патронов Чехии, ряда молитв с именами западно-европейских святых, ряда житий, например мученика Стефана, и др. Особое место в ряду этих произведений занимает церковно-славянский текст латинского по происхождению жития св. Вячеслава, написанного Гумпольдом. Славянский перевод этого жития, сохранившийся только в поздних русских списках, был осуществлён, несомненно, в Чехии ещё в XI веке.

Во второй и третьей четверти XII в. произошло новое оживление политических связей между Чехией и Русью. Имеется, во-первых, ряд известных и на име русскими князьями чешских воинских отрядов для участия в военных предприятиях на Руси и, с другой стороны, ряд свидетельств о присылке чешскими князьями военной помощи русским князьям. Последнее касается в особенности киевского князя Изяслава Мстиславича, внука Владимира Мономаха. Он, как свидетельствует русская летопись, именуется чешского короля Владислава своим сватом, лично принимает Владислава при поездке чешского короля из Византии в 1248 г. через Русь и Польшу. К этому же времени относятся такие события, как пребывание на Руси в изгнании князя Оломоуцкого Оты III (1126—1141), брак брата Изяслава, Святополка Мстиславича, с одной из моравских княжен (1132). Русской по отцу была, как известно, жена чешского короля Пржемысла Отокара II — Кунгута Ростиславна. Все эти факты, схематически здесь указанные, в достаточной мере убеждают, что середина XII в. и последующие десятилетия были временем весьма интенсивных политических и династических отношений Руси и Чехии.

С упадком Киевского государства в конце XII в. и особенно во время татарских нашествий связи Руси с Западом поддерживала главным образом Галицко-Волынская Русь — наиболее западная русская область, сумевшая в период татарского нашествия сохранить свою политическую силу и значение. Вышедшая при князе Данииле Романовиче на средне-европейскую арену, связанная с Венгрией, ведшей тогда активную внешнюю политику, Галиц-

кая Русь оказалась в рядах врагов Чехии. Борьба Пржемысла II чешского и Белы венгерского за обладание австрийским герцогством после гибели последнего герцога из династии Бабенбергов Фридриха (1246) развивалась при участии Даниила на стороне Белы. Бела выдвигал на австрийский престол сына Даниила Романовича — Романа. Именно в это время галицкий князь совершил поход против Чехии и опустошил совместно с польскими князьями часть чешской Силезии, вокруг города Олавы. Это было второе, и последнее, выступление Руси против Чехии: за 200 приблизительно лет до похода Даниила, в 1076 г., в чешской Силезии действовали против чехов князья Владимир Мономах и Олег Святославич, приглашённые помочь полякам.

Уже ближайшие преемники Даниила, а может быть, ещё и он сам, наладили добрые и даже дружеские отношения с чешским княжеским домом. Это особенно известно о князе Льве Даниловиче, заключившем дружеские узы с князем Вацлавом и подерживавшем постоянные отношения с Чехией. Наряду с этим имело место русско-чешское общение и в области материальной и духовной культуры. Развивались торговые связи между Русью и Чехией, налаженные ещё в X веке. Наряду с письменными свидетельствами Западной Руси об этом говорят и обильные находки чешских денег на территории Юго-Западной Руси. Правда, к XII в. намечались религиозные различия между чехами-католиками и русскими-православными, тормозившие общение в области духовной культуры. Однако старая традиция славянского богослужения в Чехии, восстановленная позже Карлом IV в Эммауском монастыре в Праге, была довольно живуча и жизнённа, почему при дворе Вацлава II возможны были случаи отправления церковной службы русскими и вообще православными священниками.

Третьим периодом в истории русско-чешских отношений можно считать период связей чехов с русскими, находившимися в пределах великого княжества Литовского. Последнее с начала XIV в. постепенно расширяло свою территорию за счёт Южной и Западной Руси. Начало чешскому и русско-литовскому общению положили, с одной стороны, польско-литовская «Великая война» против Немецкого ордена, апогеем которой явился бой у Грюнвальда — Танненберга 15 июля 1410 г., в котором и на немецкой и на противной стороне участвовали чехи, а с другой — литовско-русское вмешательство в чешские дела, происшедшее вскоре после гибели великого чеха и славянина Яна Гуса, в тесной связи с тем религиозно-национальным движением в Чехии, которое развернулось под знаменем его идей. Не желая подчиниться власти венгерского короля и римского императора Сигизмунда, сторонника католического начала, претендовавшего на чешскую корону после смерти брата Вацлава, и опасаясь подавления чешской национальности во имя немецко-имперских интересов Сигизмунда, чехи искали в славянских странах — Польше и Литве — защитников свободы и веры. Литовский великий

князь Витовт, конечно, не из соображений религиозной солидарности с гуситами, а по политическому расчёту принял Чехию под своё покровительство и как её «вождем» направил туда отряд своего родственника князя Сигизмунда Корибутовича для содействия чехам в их борьбе за религиозную и национальную независимость. В дружине Сигизмунда, связанного по родству с русским княжеским домом Рюриковичей (Рязанских), было немало русских, в том числе князь Фридрих Острожский. Можно предполагать, что Витовт не имел в виду поддерживать гуситов в их движении против римской церкви, может быть, он даже думал своим вмешательством организовать их примирение. Однако Корибут, как в Чехии называли князя Сигизмунда, активно помогал делу гуситов и приобщился к их религиозному движению.

Изменение общей политической ситуации в Европе вскоре разделило интересы Витовта и чехов: Витовт пошел на примирение с императором Сигизмундом, готов был забыть нанесённую ему Сигизмундом обиду присуждением некоторых земель Немецкого ордена не Польше и Литве, а Ордену, готов был потом принять от Сигизмунда и королевскую корону. Однако Корибут остался верен интересам чехов, продолжая помогать им и в мирной жизни и на поле брани.

Впоследствии другой князь Литовской Руси, Свидригайло, связался с чехами и пытался безуспешно опереться на чешских военных вождей в своей борьбе за трон великого князя литовского.

Сношения литовско-русского государства с Чехией осложнялись и в то же время облегчались тем, что между ними находилось польское государство, с которым Литва была тесно связана. В начале XV в. Литва не могла действовать совершенно свободно, не были свободны от польского влияния и культурные чешско-литовско-русские отношения в XV и следующих веках. Эти отношения развивались в двух направлениях: с одной стороны, в области литературы и просвещения, с другой — в области церковно-религиозной. Необходимо отметить несомненный интерес чешских деятелей к русской церковной жизни. Об этом свидетельствует поездка в Литву в 1413 г. ближайшего сотрудника Яна Гуса — Иеронима Пражского. В Витебске и Пскове он «явно и гласно» выражал симпатии к русской церкви и даже оказывал ей предпочтение перед католической. Позднее, в самом конце XV в., с общиной «чешских братьев» отправляется на Русь один из её сочленов, рыцарь Мареш Коконед, чтобы выяснить, нет ли там остатков истинной апостольской церкви и веры. Одновременно с ним с той же целью едут гонимы и в другие восточные страны. В чешской и в особенности в XIX в. в русской исторической науке существовало течение, находившее основания для связывания дела Гуса с традициями восточной православной церкви.

Однако иначе воспринималось дело Гуса в старой Руси, для которой позднейшие вожди исторической Реформации — Лютер, К. Кальвин и др. — заслонили весь своеобраз-

разный смысл деятельности Яна Гуса и вместе с ним подверглись одинаковому осуждению. По мнению русских писателей XVI—XVII вв. (среди них и Ивана IV), Ян Гус был явным еретик и его сожжение не вызвало возмущения. Старорусские книжники не умели провести разницы между Яном Гусом и продолжателями его борьбы с римской церковью. Только иногда мысль о возможном сближении с чешским религиозным движением принимала реальные формы. Это происходило тогда, когда нужно было сплотить все противокатолические силы. Вспомним переговоры, происходившие в конце XVI в. в Вильне между «чешскими братьями» с Турновским во главе и православными окружения Константина Острожского.

Что касается общения в области литературы, то можно говорить об известном проникновении на восток чешского литературного влияния в конце XV — начале XVI в., преимущественно в белорусско-украинскую среду, а в XVI — XVII вв. имело место отражение чешских литературных элементов и на московской книжной традиции.

Чешское культурное влияние в области восточно-славянской литературы и письменности проявлялось в двух основных формах. С одной стороны, имело место воздействие Чешской Библии на восточно-славянских книжников, с другой стороны, непосредственно из чешского источника усваивался ряд произведений светского, повествовательного или морально-поучительного характера.

Чешская Библия сыграла у восточных славян свою роль в деле национализации языка книг Священного писания, т. е. в переходе от церковно-славянского языка к живой народной речи при передаче библейских текстов.

Чешская Библия была в этом отношении первым славянским опытом, который оказал в XV в. определяющее влияние в Польше, где под прямым чешским влиянием и по чешским пособиям были осуществлены первые опыты переводов библейских книг. Это явление не могло не иметь своего отголоска и на восточно-славянской почве, хотя здесь были существенно иные предпосылки (не латинский текст Библии, а церковно-славянский, в своё время народный текст). Один из самых замечательных в истории славянской культуры опытов печатного издания Библии — опыт Фр. Скорины в 1517—1519 гг. — был осуществлён также при помощи и чешского пособия. Доктор медицины Скорина, родом из Полоцка, выпустил в свет в Праге 23 Книги Ветхого завета на языке, в котором традиционная церковно-славянская речь была пронизана элементами живого белорусского языка той эпохи. При этом Скорина в целом ряде случаев руководствовался библейскими чтениями по чешской печатной Библии 1506 года. Чешская Библия служила пособием и более поздним русским переводчикам и редакторам библейских текстов. Непосредственно с чешского текста в XV в. была переведена на Украине «Песнь Песней». В 1580—1581 гг. Чешская Библия была привлечена как пособие редакторами церковно-славянского текста Библии ост-

рожского издания. В середине XVIII в. к ней обращались редакторы церковно-славянской Библии, изданной в России в 1751 году.

Из чешской литературы, проникшей в восточно-славянскую среду в XV—XVI вв., следует упомянуть такие произведения, как сказание о Тоудале рыцаре, Сибилла и житие св. Алексея, человека божия; в XVI—XVII вв. стали известны Луцидарий (украинский) и повесть о Брунцвице, королевиче чешской земли, по всем данным переведённая с чешского непосредственно в Москве и вошедшая в западно-европейскую переводную романтическую авантюрную литературу, находившую большой спрос в русской среде ещё и в XVIII веке. Зависимость указанных памятников от чешских текстов устанавливается более или менее положительно.

Несомненно знакомство восточных славян с чешской живой речью, что иллюстрируется хотя бы примерами из московских «Азбуковников» и украинских «Лексиконов» (Памвы Берынды XVII в. и др.), хотя это знакомство нельзя признать достаточно основательным и полным. Тот круг сведений о Чехии, который был доступен восточно-славянскому читателю XV—XVII вв., черпался не непосредственно из чешских источников, а из русских «Хронографов» и «Космографий», одним из главных источников для которых служила «Хроника света» Мартина Бельского как основное пособие по истории и географии Чехии. Можно говорить о непосредственной связи с «Хроникой» Бельского, известной в русской письменности в составе «Хронографов» и «Космографий» и отдельно от них, «Хроники о Богеме», т. е. о Богемии — Чехии; к Бельскому же можно возводить и известную из русских сборников легенду о чешском (но не русском) святом Иване, князе Хорвацком.

Мы не знаем лиц и групп, которые являлись посредниками между Чехией и Русью в области перенесения сюда чешских литературных текстов и общего знакомства с Чехией. Однако нам известно значительное количество фактов о пребывании чехов в русской среде в Литве и на Украине и о пребывании русских из разных краёв Руси в Чехии и Моравии. На общем фоне этих многочисленных фактов делаются ясными общая обстановка этого литературного и общекультурного чешско-русского контакта и те пути, какими могли проникать на Русь чешские литературные тексты.

Во время интервенции князя литовского Витовта, в первой четверти XV в., в Чехию здесь побывал ряд представителей галицко-русской военной среды и галицко-русского шляхетства. В XIV—XV вв. русские из украинских и белорусских областей, Польши и Литвы побывали в стенах старославянского пражского университета Карла IV, указываются в начале XV в. в числе пражских студентов. Некоторые из них — из Львова, Перемышля, Вильны и т. д. — известны и по именам. Галицкая Русь вообще в эти времена была наиболее тесно связана с Чехией. В ту эпоху на Галичину переселилось некоторое число чешских шляхтичей и городских обывателей-мещан. Ряд га-

лицко-русских шляхетских фамилий в XIV—XVI вв. ведёт своё начало от этих чешских переселенцев, а в жизни городского общества, в частности Львова, люди с прозвищами Чех, Богем и т. д. играли порой заметную роль. В дальнейшем, в XVI и XVII вв., это передвижение чехов на русский восток и прежде всего в Галичину было связано с религиозными стеснениями и преследованиями их на родине вследствие усиления католицизма в Чехии и Моравии. Волна чешских и моравских переселенцев докатилась и до пределов Литвы. Здесь, в разных городах и краях, встречались выходцы из Чехии разного звания и разных профессий. Тут немало чешско-моравских религиозных экзулянтов, принуждённых покинуть свои земли из-за религиозных притеснений, направленных против гуситов разных толков, нашло себе пристанище и новое поле деятельности в среде разноверцев.

Чехи и моравы попадали в русскую, особенно в украинскую и белорусскую, среду и в связи с теми военными акциями, какие предпринимались польским и литовско-польским правительством в XV—XVI веках. Военные специалисты из среды чехов и моравов с конца XV в. в значительном числе нанимались для участия в военных экспедициях на польско-молдавских границах, в Галичине, в Подолии, а позднее и на московско-литовских границах. Участие чехов и моравов в действиях против Москвы известно с первых годов XVI в. вплоть до XVII века. В начале XVI в., видимо, и Москва нанимала чешских военных людей для военных действий против Литвы. Многие из этих наёмных чехов, иногда образовывавших особые роты под начальством чешских ротмистров, впоследствии оседали в восточно-славянских пределах, приобретали недвижимость в награду за службу и т. п. и вошли в местную среду землевладельцев. Нередко чехи, как опытные специалисты в области артиллерии, нанимались пушкарями в украинских пограничных замках. В связи с несомненными фактами общения чешских военных специалистов и практиков с украинцами может ныне в положительном смысле решаться и вопрос о влиянии чешского военного дела, чешской военной техники и военной терминологии на украинскую военную практику и терминологию. Во многом роль передатчика чешских военных знаний далее на восток, в украинскую и иную военную среду, играло польское военное дело, бывшее в XV—XVII вв. под сильным чешским влиянием.

Наряду с проникновением чехов в украинскую и белорусскую среду в XV—XVI вв. шёл и обратный процесс — проникновение русских в среду чешскую. Русских можно обнаружить в Чехии в старое время в значительном числе. Кроме украинцев и белорусов, обучавшихся в Карловом университете в Праге в XIV и следующих веках, выходцы из русских областей Польши и Литвы занимались и в Оломоуцкой иезуитской академии в XVI—XVII веках. Одной из своих задач Оломоуцкая академия, по замыслу крупного участника её создания, иезуита Антонио Поссевино, ставила рас-

пространение католического влияния в среде православного населения славянского севера и востока. Оломоуцкая академия этой задачи не решила, и очень скоро «русские» места — папские стипендии — при ней оказались заполненными кандидатами из униатского монашеского ордена св. Василия Великого; за сто с лишним лет тут обучилось не менее 125 таких василиан. Помимо этих папских «калюмнов», на свои средства здесь обучались и представители иных кругов украинцев и белорусов, в частности члены галицко-русских шляхетских фамилий. Из числа восточно-славянских выучеников моравских иезуитов в Оломоуце (были такие, но в меньшем количестве, и в иезуитском университете в Праге) особо можно назвать игравших впоследствии крупную роль в церковной жизни Украины киевского митрополита Варлаама Ясинского, бывшего ректора Киевской духовной академии Гедеопа Одороско, первого ректора Московской академии Палладия Роговского; из числа оломоуцких воспитанников-василиан вышел целый ряд епископов, архимандритов и др. Знаменитый униатский митрополит и реформатор униатской церкви и особенно её монашества Иосиф Вельямин Рутский был некогда время студентом в Праге, правда, не у иезуитов.

Несколько позднее имело место встречное движение военного люда — о русского востока в Чехию и Моравию. В начале XVI в. «московитов» и русских вообще можно видеть в составе наёмных военных сил чешской королевской власти (напомним хотя бы о службе Ивана Пересветова у короля Фердинанда Габсбурга в 30-х годах XVI в.). С середины того же века в Чехии появляются «казаки» из Польши, которых тут нанимают для защиты Моравии от турок (1543), а потом привлекают для борьбы против Турции в интересах империи. В 90-х годах XVI в. и несколькими десятилетиями позже в переговорах о найме и в самом осуществлении найма запорожских казаков для Австрии, для пражского императорского двора известную роль играл один из князей Острожских — Януш Константинович, краковский каштелян, с 1570 г. связанный с Чехией имущественными интересами. Из-за земельных владений возник длительный спор между Острожскими и получившими позднее эти земли в своё обладание Розенберками. Ради восстановления своей власти над ними князь Януш и его отец шли на различные политические и церковно-политические комбинации, которые в начале XVII в. привели князя Януша, связанного с домом Габсбургов, в ряды противников чешского освободительного движения, закончившегося катастрофой на Белой Горе в 1620 году. Первая стадия переговоров о найме казаков привела в Прагу в 1593 и следующих годах в качестве представителей Запорожья (не без доли авантюризма и самозванства) П. Хлопицкого и еврея Моисея, а потом настоящих казацких представителей-согнников. Переговоры, однако, не привели к массовому переходу казаков на службу пражскому двору Рудольфа II, в Чехии и Моравии появились лишь отдельные казаки. В первые

годы XVII в. в охране границ империи против турок участвовали уже более значительные группы казаков-кавалеристов.

Особого внимания заслуживают экономические связи между Чехией и Моравией, с одной стороны, и русскими областями Польши и Литвы, — с другой. В зависимости от политической и хозяйственной обстановки менялись формы их экономической связи. Эти формы всецело зависели от тех посредников, которые находились между Восточной Европой и чешско-моравским рынком, более всего от Польши и Силезии, бывших издавна главным соединительным звеном в торговле между западом и востоком Европы. В связи с этим на торговых отношениях Чехии и Моравии с востоком Европы всегда отражались все колебания и изменения в экономической политике Силезии и Польши.

В этом отношении важное значение имела борьба Кракова в середине века за монопольное право торгового посредничества между Галицкой Русью и Западом. Борьба эта очень остро развернулась в середине XIV в., после того как Казимир Великий присоединил Галицкую Русь к Польше и старался использовать её в интересах Польши, прежде всего Кракова, при транзите восточных колониальных и иных товаров на Запад. Карл IV, король Чешский и император Римский, стал на защиту интересов силезских и чехо-моравских купцов. Борьба между Казимиром Великим и Карлом IV велась в течение длительного времени, получая то или иное направление, но всегда осложняя непосредственное обслуживание взаимных экономических интересов Чехии и русских областей. В развитие этих отношений внесли существенные изменения также потрясения гуситской эпохи, когда Прага и Чехия перестали играть определяющую роль в посредничестве между Южной Германией и Силезией, а через неё — с Польшей и Восточной Европой. В то же время выросло значение Лейпцига, ставшего основным звеном в торговой связи между востоком и западом Европы.

Чешско-русские экономические связи в последующее время развивались по преимуществу при посредничестве таких торговых центров, как Вратислава (Бреслау), Познань и Краков. Русские, прежде всего украинские и белорусские, купцы появлялись на чешском и моравском рынках, чешские торговцы посещали торговые центры Литвы и Галичины. Но это были отдельные факты, а не основная форма торгового контакта. И та и другая сторона удовлетворялась в своих потребностях силезским и польским рынками, куда и с той и с другой стороны доставлялись в изобилии необходимые товары.

С востока Европы на запад доставлялось преимущественно сырьё; Чехия и Моравия давали на восток по преимуществу промышленные изделия. Последние находили спрос в украинско-белорусских областях Польши и Литвы и в Московском государстве. Из чехо-моравских товаров на первом месте стояли сукна, принадлежавшие к мануфактурным изделиям средней цеты и находившие широкое потребление в русской дере-

венской и провинциальной среде. Наиболее значительного развития вывоз сукон в Восточную Европу достиг в XVI и отчасти в XVII вв., встречая конкуренцию в сукнах силезских. Далее, имеются сведения о вывозе на восток Европы моравского полотна, чешских ножей, моравских чепцов, моравского шафрана, моравского вина. Особо должна быть оговорена судьба чешского серебра в Восточной Европе. В XIV—XV вв. пражские гроши являлись основной монетной единицей в Литовском государстве. Изучение находок пражских грошей в Восточной Европе убеждает, что они имели самое широкое распространение.

Что касается предметов восточно-европейского вывоза, то в Чехии и Моравии едва ли не все они находили спрос и применение. Такие товары, как меха и кожи, были основой экономического обмена между Русью и западом Европы и Чехией, которая всегда предъявляла на них активный спрос. Чешский и моравский рынок предъявлял спрос и на такой товар, как живой скот, особенно волы, пригонявшиеся на Запад, главным образом в Силезию, с Украины или через неё (Галичина и др.), из Валахии и татарских земель. На чешско-моравском рынке находили сбыт восточно-европейские мёд и воск, жиры (сало, луй), восточные ткани, металлические изделия и вооружение из Литвы, колониальные товары (ароматы, коренья, краски), лечебные средства восточно-европейского или азиатского происхождения (мускус, бобровая струя, «краковые глаза», бадьян и др.).

В обслуживании чехо-моравского рынка этими товарами участвовали белорусско-украинские и московские области, последние прежде всего доставляли меха и кожи, некоторые лечебные средства, частью жиры и пр., Украина в основном поставляла волов. В снабжении силезского, а через него и чехо-моравского рынка всеми восточно-европейскими товарами главную роль в XVII и XVIII вв. играла Украина. Украинские купцы создали к этому времени особенно прочную связь с немецкими торговыми центрами — Данцигом, Кёнигсбергом, Вратиславой; и московские товары (кожи, особенно юфть, производившаяся только на русском севере, и пр.) проникали туда в массе при посредстве украинских купцов. Украинский купец во Вратиславе (Бреслау) был одним из обязательных участников торгового расчёта этого центра Силезии.

Дальнейшая судьба украинско-силезской торговли связана с экономической и таможенной политикой Петра Великого. В интересах роста и развития новых русских прибалтийских портов Пётр I в 1714 г. прервал сухопутную торговую связь между Украиной и Силезией, направив основные вывозные товары на Запад через Петербург и Ригу. Результатом этого явились упадок торговли Украины, кризис Силезии как торгового центра, значительное ослабление того важного источника снабжения Чехии и Моравии кожами, мехами и пр., каким была эта прямая, сухопутная, хорошо налаженная силезско-украинская связь. XVIII век вообще вошёл в экономические взаимоотношения

Чехии и Моравии с Восточной Европой много изменений в связи с отпадением Силезии от империи и присоединением её к Пруссии, в связи с разделами Польши и т. д. и т. д.

Далёкое Московское государство оставалось вне круга политических и культурных интересов чешского общества до конца XV в., т. е. до времени утверждения в Чехии на королевском престоле одного из представителей польско-литовской династии Ягеллонов. В конце XV и в начале XVI в. Чехия была втянута в длительную борьбу между Польшей и Москвой из-за русских областей Литвы. В эту эпоху Москва, естественно, воспринималась правящими кругами Чехии как враждебная политическая сила, в связи с чем и московско-имперское антипольское сближение на переломе XV—XVI вв. трактовалось с осуждением и порицанием. Такое отношение к Москве сохраняло свою силу и в последующие десятилетия XVI в., когда существенно изменилась общая политическая обстановка в Средней и Восточной Европе. Между тем в связи с польским вопросом и с политикой империи вообще Москва обнаруживала уже с конца XV в. известный интерес к Чехии как к государству, правда, более всего в плане политики Римской империи. В частности, позднее в Москве со вниманием следили за событиями 1618—1630 годов.

С особенной силой московская проблема была поставлена перед чешским политическим светом и общественным мнением во второй половине XVI в., когда Иван IV Грозный, ставший одной из самых популярных политических фигур в Европе, в осуществление своих широких политических планов сделал попытку овладеть восточным прибалтийским побережьем и нанесил удар за ударом ливонским рыцарям. Немецкие публицисты с помощью печатной литературы (тогда был уже изобретён печатный станок) пытались привлечь сочувствие европейских государств к терпящей поражения Ливонии. Чешское общественное мнение не осталось в стороне от этого литературного и публицистического движения в Европе: в Праге было выпущено в свет несколько памфлетов против Ивана IV на чешском и немецком языках. Вступление Польши и Литвы при Стефане Батории в борьбу с Москвой за Ливонию значительно расширило базу осведомления Чехии, связанной с Польшей, о событиях в Восточной Европе. Московия приобретала для чешской культурной среды всё более реальные очертания и более положительное значение. В чешской печати появляются издания о Московии более объективного, осведомительного характера, правда, основанные на иностранных источниках — Герберштейн, Гваньини и др. Появление в Чехии московских послов, направлявшихся к имперскому двору в Прагу или в Австрию, особенно частые их поездки, в последней четверти XVI в., ещё более повысили в Чехии интерес к Москве. Знаменитый пражский издатель Велеславин в конце XVI в. подчёркивал, что большое московское посольство 1576 г. было одним из важных звеньев в деле расширения чешского знакомства с

Московией. Несомненно, именно этот интерес учёл опытный трагский издатель саксонец М. Петерле, когда в 1576 г. выпустил в свет свою замечательную цветную гравюру с изображением московского посольства. Появление в Праге московского посольства в 1595 г. с субсидией Рудольфу II для противотурецкой лиги произвело также немалое впечатление, особенно в связи с тем, что москвичи привезли с собой такое множество дорогих севернорусских мехов, что на европейском рынке их нельзя было реализовать в течение нескольких лет.

Позднее, в XVII в., в Чехии несколько спал интерес к России. Утрата Чехией своей политической самостоятельности после поражения под Белой Горой в 1620 г. устранила политические ноты из взаимоотношений чехов с Москвой. Однако активные противогабсбургские чешские круги не исключали московские политические возможности из круга своего внимания. Так, Ян-Амос Коменский, вообще отрицательно относившийся к Москве, в известный момент — в 60-х годах XVII в. — рассуждал и на Москву как на силу, могущую потратить габсбургско-католическую гегемонию в Европе.

В середине 1698 г. Прага впервые увидела в своих стенах русского царя. Это был тогда ещё молодой Пётр Алексеевич, недавно начавший своё царствование. После проезда через Прагу в 1698 г. в составе «великого посольства» Пётр Великий затем уж в ореоле победителя Карла XII ещё дважды побывал в Чехии — в 1711 и в 1712 гг., — когда он лежился в Карловых Варах и Теплицях. Самый факт посещения русским царём Чехии в пору быстрого и блистательного роста международного значения России не прошёл бесследно для национального развития чешского общества, находившегося уже целый век под давлением немецкого имперского режима. Пётр I постоянно входил в личное общение с чехами: так, в 1698 г. и позднее он беседовал на чешском языке с представителями чешско-имперской аристократии и придворными деятелями Вены, по-чешски он объяснялся и при встрече в Карловых Варах с чешским художником Купецким.

Личное знакомство Петра Великого с чехами дало ему основание искать среди них сотрудников для своей кипучей и интенсивной работы в области русского просвещения. Петру нужны были переводчики иностранных лексиконов, — «универсальных» и по юридическим наукам, — и других книг. Он направил в Прагу русского поверенного в Вене для отыскания среди местных иезуитов знающих славянский язык. Он послал в Прагу целую группу русских для осуществления работы по переводам. Пётр I хотел использовать и славяно-чешских театральных деятелей для насаждения в России театра. Он пригласил на русскую службу ряд военных специалистов из состава австрийской армии, причём одним из условий найма ставил знание ими славянских языков, прежде всего языка чешского. Так, Пётр I старался найти в Чехии и опытных в административной работе людей для помощи в деятельности новых органов управ-

ления в России. Россия при Петре Великом вступила на путь активного сношения с Чехией, на путь использования славянской близости с чехами ради надобностей новой, реформированной русской государственности.

Правда, это был лишь небольшой эпизод в истории сношения чехов и русских. Многие из приглашённых Петром I людей оказались не чехами, а «богемцами», для которых немецкая культура была ближе и роднее, чешский же язык оставался лишь внешней принадлежностью. Царствование Петра Великого открыло собой новую страницу в истории чешско-русских отношений, выявило могучий рост славянской державы, быстрее нарастание политической мощи и влияние её на международные отношения.

При Петре Великом чешско-русские отношения не носили ещё политического характера, но Вена уже опасалась политического влияния России на Чехию. Так, когда Пётр Великий требовал от империи выдачи царевича Алексея, венский двор одним из аргументов в пользу выполнения требования царя выдвинул опасение, что в случае отказа царь сможет двинуть свои войска, находившиеся недалеко в Силезии, в Чехию, где все крестьяне охотно присоединятся к русским. В своём пересказе, сделанном сто лет назад, Устрялов немецкое слово «Vasergschafft» перевёл словом «чернь». Однако в действительности речь шла не о черни, а о простом чешском народе вообще, но это слово, конечно, звучало иначе в устах напуганного русским царём венского двора. Последний не делал себе иллюзий на счёт чувств чешского народа и опасался аналогичного выступления чехов против Вены и в 1707 г., когда Вена принуждена была пойти на унизительный для неё договор с Карлом XII в Альтранштедте. Чехи в данной ситуации могли примкнуть к движению венгерских революционеров под водительством Ракоци, поддерживаемых Петром Великим. Наконец, не лишено интереса и ещё одно обстоятельство. Мы имеем в виду заявление Меншикова в 1711 г. о том, что Россия не может равнодушно видеть притеснений, чинимых венским правительством исповедникам «русской» веры в Чехии. По словам Меншикова, Россия собиралась добиваться от Вены предоставления русским в Чехии свободы исповедания их веры, которой они не пользовались. Не нужно много задумываться над смыслом этих слов всесильного тогда, но слабо осведомленного царского вельможи. Дело касалось, конечно, не русских, а гуситов и их веры. Не «Russen», а «Hussen» в действительности притеснялись в Чехии.

Через несколько десятилетий Чехия увидела в своих пределах русские войска. Это

было в 1735 г., когда Россия отправила на Рейн в помощь Австрии против французов вспомогательные войска во главе с генералами Бироном, де Ласси, Бахметьевым и другими. По пути на Запад и обратно русские останавливались в Чехии. Они произвели на местное население благоприятное впечатление своей гуманностью, миролюбием и добротой. Через десять лет, в 1748 г., русские войска снова оказались в Чехии. Сорокатысячная русская армия шла на Рейн для помощи Австрии в её борьбе за австрийское наследство. Наблюдавший тогда в Южной Чехии русских казаков и улан местный декан Фр. Ледецкий не без удивления записал, что из среды этих не виданных ранее в Чехии людей по латыши не говорят даже их священники, но разговорный русский язык в известной мере оказался понятным и самому Ледецкому.

Особенно примечательным было пребывание русских войск в Чехии, в 1799 г., когда они шли через Чехию в Италию под командованием Суворова. В конце того же года русские возвращались домой опять через Чехию. Едва ли не вся Чехия и её столица Прага увидели в лицо прославленного русского полководца и выразили ему своё почитание. Пробуждавшаяся к своему национальному возрождению Чехия получила возможность увидеть у себя славянское воинство великого славянского государства. И если порой из среды населения и раздавалось неодобрительное по отношению к русским солдат в Чехии, конечно, сильнее была радость слышать славянскую команду на улицах страны и особенно слышать повсюду непрестанные русские песни и при этом на близком, славянском языке. Русские люди и на этот раз произвели хорошее впечатление на чешское население.

Так, в течение всего XVIII в. Чехия, как и вся Европа, была свидетельницей политического роста России. На пороге XIX в. чехи смогли сделать известный вывод из этого процесса. Иосиф Добровский, патриарх славяноведения, в своей речи 1791 г., обращённой к австрийскому императору Леопольду II, подчеркнул, какое большое значение для всего славянства имело политическое усиление России, и тем как бы намекнул на два исторических пути, по которым могли пойти славяне, в частности чехи; это либо путь союза и единства с Австрией либо путь сближения со славянской Россией. В течение XIX в. эта проблема всегда стояла перед чешским народом, постепенно, но неуклонно шедшим к освобождению от австрийской зависимости и приобретению своей политической самостоятельности. Русско-чешские отношения в XIX в. в связи с этим получили совершенно особое содержание. Эта эпоха, однако, выходит уже за рамки настоящего сжатого очерка.